

Самый ненавистный человек

Любое движение отзывалось во всём теле Ши Цзю невыносимой болью. Судя по тому, как плотно его забинтовали, лицо превратилось в сплошной отёк, а нога была безнадежно сломана.

— Не дергайся, — негромко произнес Чэнь Ай, нахмурившись. Тон его был далек от ласкового.

Ши Цзю мог лишь безучастно созерцать потолок.

— И что ты здесь забыл? — проворчал он. Пожалуй, только шевелить губами ему и удавалось без особого труда, хотя и это давалось с трудом — казалось, рот набит ватой.

— Цзи Шуйфэн сообщила мне, — ответил Чэнь Ай.

В последнее время Ши Цзю всегда предупреждал его, когда уходил в библиотеку, и обычно возвращался к закрытию, после чего Чэнь Ай уходил к себе, а юноша оставался отдыхать в офисе. Однако сегодня все сроки вышли, а диван-кровать в кабинете так и остался неразобраным. Чэнь Ай уже решил, что Ши Цзю нашел себе другое занятие, но звонок Цзи Шуйфэн заставил его немедленно сорваться в больницу.

Когда Ши Цзю ещё лежал на операционном столе, Чэнь Аю пришлось заполнять бумаги. Графа «Кем приходится» надолго заставила его задуматься. Он никогда не анализировал их связь: они не были чужаками, не были друзьями, не состояли в отношениях «начальник-подчиненный» и уж тем более не были родственниками. В них не было ничего из этого списка. И всё же, помедлив, он вывел два слова: «Близкий друг».

Именно поэтому, когда после операции Ши Цзю мучился от боли, медсестра утешала его:

— Действие наркоза проходит, нужно немного потерпеть. Твой друг ждет снаружи, скоро всё наладится.

Тогда, находясь в тумане забытья, Ши Цзю даже не сообразил, насколько странно это звучит. С каких это пор у него здесь появились друзья?

Ши Цзю казалось, что всё не так уж серьезно, поэтому он спросил:

— Ты проторчал здесь всю ночь?

Чэнь Ай поджал губы и коротко бросил:

— Нет.

Ши Цзю не стал развивать тему. Полуприкрыв глаза, он без сил выдохнул:

— Понятно... Кроме меня кто-нибудь пострадал?

До этого Чэнь Ай уже успел навести справки. Почти все отделались легким испугом: кто-то ушел сразу после осмотра, кто-то остался лишь до утра. В итоге Ши Цзю оказался единственным, кто встретил рассвет на больничной койке.

— Больше никто, — тихо ответил Чэнь Ай.

Ши Цзю с облегчением выдохнул, но тут же почувствовал досаду. Вспомнив последние мгновения перед тем, как сознание окончательно померкло, он вяло спросил:

— Значит, Цзи Шаньюэ спас их?

— Да. Он помешал полкам раздавить остальных, — Чэнь Ай запнулся, не договорив.

Вскоре после первого извещения Цзи Шуйфэн позвонила снова и во всех подробностях описала случившееся. Он знал, что Ши Цзю оказался погребен под завалом и что именно Цзи Шаньюэ вытащил его. Но весь этот инцидент был спровоцирован тем же Цзи Шаньюэ — человеком вспыльчивым и импульсивным, который, несмотря на свой нрав, вовсе не желал ничьей смерти. Гнев гневом, а спасение — спасением. Однако Чэнь Ай был слишком близок с ним, и любое слово в защиту друга сейчас прозвучало бы как попытка его оправдать.

Услышав имя Цзи Шаньюэ, Ши Цзю лишь поморщился от раздражения.

— Ладно, — медленно проговорил он. — Главное, что больше никто не пострадал.

Чэнь Аю его напускная бравада показалась даже в чем-то трогательной. Уголок его губ едва заметно дернулся.

— Ты в самом тяжелом состоянии, а печешься о других.

Ши Цзю хотел было усмехнуться, но движение отозвалось такой резкой болью в ранах, что он замер на добрую минуту.

— Мне-то что, — наконец выдавил он. — Я хоть сейчас готов встать и разбиться в лепешку, какая разница? Скоро я всё равно проснусь. Исчезну отсюда, а когда вернусь в следующий раз — буду как новенький.

Он по-прежнему надеялся на такой исход. Чэнь Ай счел это логичным, но втайне не одобрял столь беспечного отношения к собственному телу.

Внезапно в сознании Ши Цзю всплыли обрывочные воспоминания.

— Кажется... я разгромил библиотеку, да? — неуверенно спросил он.

— Лишь небольшую её часть.

Ши Цзю закрыл глаза, погружаясь в раздумья.

С того момента, как он попал в этот мир снов, его единственной способностью была телепортация, причем центром притяжения всегда служил Чэнь Ай. Библиотечный инцидент стал первым случаем, когда проявилось нечто иное.

Он не мог понять: была ли это новая грань его силы или же результат того, что в момент крайнего эмоционального напряжения сам мир снов начал рушиться? На проверку этой догадки требовалось время.

Вспомнив о чем-то, Ши Цзю поинтересовался:

— У тебя сегодня нет дел?

— Есть. Но они могут подождать, — ответил Чэнь Ай.

Ши Цзю не стал его прогонять. Он лежал, бесцельно изучая трещины на потолке, а затем негромко вздохнул:

— Тогда тебе лучше остаться здесь. У меня ведь больше нет никого, кого я мог бы назвать знакомым.

«Враги — тоже люди», — подумал он. Он хотел было пошевелить рукой, но та не слушалась, и ему оставалось лишь бросить в пространство:

— Видишь этот обруч? Раз уж ты сам надел его на меня, изволь теперь нести ответственность.

Чэнь Ай остался невозмутим:

— Ты хоть понимаешь, что несешь?

— Прекрасно понимаю, — отозвался Ши Цзю. — Я сказал это нарочно.

Ему вовсе не нужно было ничего от Куратора, просто... почему бы и не подразнить его? Юноше очень хотелось вставить какую-нибудь колкость вроде: «Слабо снять его с меня? Или боишься, что не справишься без анестезии?»

— Хм, — коротко отозвался Чэнь Ай. Реплика прозвучала скорее как попытка уйти от темы, и он вернулся к предыдущему замечанию. — Я знаю, что здесь тебе больше не на кого положиться. Так что лежи смирно. Я буду здесь, пока ты не проснешься.

Ши Цзю резко распахнул глаза. Он замер в недоумении, которое быстро сменилось странным облегчением, а затем — очередным витком непонимания.

Он не мог разобрать, было ли это обещание продиктовано искренностью или холодным расчетом; шло ли оно от сердца или было лишь продуктом разума. Когда за словами не чувствуешь подлинного тепла, они кажутся лишь искусной имитацией, но при этом они всё равно способны задеть за живое.

«Какой же он странный».

Память Ши Цзю вновь услужливо подбросила образ их самой первой встречи. Помолчав, он спросил:

— Послушай, мне всё не дает покоя... Тогда, при нашей первой встрече, ты сказал: «Это ты». Что за этим стоит?

Чэнь Ай на миг нахмурился, но тут же расслабился.

— Не закичивайся на этом, — сухо ответил он. — У каждого есть свое прошлое.

Но Ши Цзю не собирался отступать.

— Меня не интересует твоя личная жизнь. Просто за то время, что мы знакомы, у меня сложилось впечатление, что ты... либо лишен эмоций, либо тебе крайне трудно их испытывать. А если они и проявляются, то кажутся лишь фальшивой игрой на публику. За исключением того самого первого раза, когда ты показался мне живым человеком.

Чэнь Ай счел это замечание нелепым, и в его голосе проскользнуло небрежное равнодушие:

— Возможно, твои чувства тебя обманывают. Или же я испытываю эмоции, просто не вижу смысла выставлять их напоказ.

— Нет, это другое, — перебил его Ши Цзю. — Я говорю не о словах или выражении лица. Я говорю о прямом восприятии, о некоей внутренней частоте. Я легко улавливаю чужие состояния, даже те, что люди пытаются скрыть. Гнев Цзи Шаньюэ — лишь ширма, за которой прячется искренняя забота о тебе. Спокойствие Цзи Шуйфэн скрывает бушующие шторма и бремя тяжелых тайн. В безумии Чжоу Чжифу я вижу глубокую неуверенность и застарелую обиду. Даже тот помощник Властителя, которого я видел мельком... его смирение — лишь маска для безграничного высокомерия.

Ши Цзю отчаянно пытался подобрать слова, чтобы описать это чувство. Ему хотелось дополнить речь жестами, но тело было сковано, и всё его волнение отражалось лишь в глазах.

— Я чувствую то, что не облечено в форму. Но в тебе... После нашей первой встречи я больше не ощущал ровным счетом ничего. И дело не в том, что ты что-то прячешь. В тебе этого просто нет, — Ши Цзю говорил предельно серьезно, но вдруг добавил: — Хотя... когда ты осматривал того ребенка, который провалил эволюцию, на мгновение промелькнуло нечто похожее.

Ши Цзю и сам не осознавал, как много деталей он подметил. Оказалось, что он запомнил о Чэнь Ае больше, чем о ком-либо другом.

«Никто не знает человека лучше, чем его враг», — мелькнуло в голове.

Чэнь Ай долго молчал, погруженный в свои мысли. Когда он наконец посмотрел на Ши Цзю, его вопрос прозвучал неожиданно:

— Тебе доставляет удовольствие препарировать чужие души? Это дает тебе чувство контроля?

Ши Цзю не сдержал короткого смешка, от которого боль в теле вспыхнула с новой силой. Он на мгновение задумался над этим вопросом, но пришел к выводу, что все эти наблюдения были лишь произвольной реакцией.

— Видишь ли, в этом и заключается ограниченность языка. Если отвечать прямо на твой вопрос, то ответ — нет. Во-первых, я никогда не стремился специально кого-то анализировать, я просто воспринимаю то, что есть. Во-вторых, если я и делаю выводы, то вовсе не из жадности контроля. Это скорее профессиональная деформация. Моя специальность тесно связана с психологией, да и родители с детства приучали меня подмечать подобные вещи...

На полуслове Ши Цзю внезапно задохнулся. Слово чья-то невидимая рука резко сжала его сердце. Это была не физическая боль, а внезапный приступ удушья, который оборвал фразу на вдохе. Мучительное чувство сдавленности в груди вместе с ломотой в теле отозвалось в мозгу вспышкой страдания.

Он подумал было, что это какой-то побочный эффект травм, но, подняв взгляд на Чэнь Ая, вздрогнул. Куратор смотрел на него, не меняя позы, но в его глазах бушевал нескрываемый вихрь эмоций, который спустя мгновение исчез, словно кадр в испорченной киноленте.

Ши Цзю еще не закончил мысль, но не смог заставить себя замолчать окончательно.

— Хоть я и не занимался этим специально... Эй, что с тобой? — неловко проговорил он.

Ши Цзю был потрясен. Это удушье, эта волна тяжести исходила от Чэнь Ая. Секунду назад он утверждал, что Куратор пуст, и тут же ощутил такой мощный, такой сокрушительный эмоциональный всплеск, что у него перехватило дыхание.

Ши Цзю открыл рот, но не нашел слов.

«Что это было?»

Чэнь Ай крепко сжал кулаки. Затем, едва слышно вздохнув, он одним усилием воли загнал бурю обратно в глубины сознания, не оставив и следа.

— Ничего, — ровно ответил он.

— Уверен?

— Да.

Чэнь Ай поднялся, взял со столика стакан воды с трубочкой и протянул его Ши Цзю:

— Будешь пить?

Ши Цзю покачал головой.

— Хорошо. Если что-то понадобится — зови.

Он поставил стакан на место и снова сел. В палате воцарилась тишина. Они молча смотрели в разные стороны, и это молчание воздвигало между ними невидимую, но почти осязаемую стену.

Ши Цзю чувствовал: за напускным безразличием Чэнь Ая скрывается нечто колоссальное. Порой казалось, что Куратор жаждет выплеснуть это наружу, но в следующий миг — что он боится этого больше всего на свете. Все размышления юноши в итоге сводились к одному слову — «сдержанность».

Чэнь Аю же казалось, что Ши Цзю сейчас подавлен, но за этой грустью скрывалось не столько уныние, сколько безграничное... одиночество.

Серые сполохи света начали медленно окутывать Чэнь Ая. Когда он осознал, что непроизвольно пытается разгадать мысли Ши Цзю, то резко вскинул голову и увидел эти призрачные потоки.

Он замер. В памяти мгновенно всплыл образ из забытого сна: он стоял в комнате Ши Цзю, и точно такой же серый свет кружил вокруг него.

Но сейчас эти искры были вполне реальны. Он украдкой взглянул на Ши Цзю, но тот по-прежнему безучастно смотрел в потолок, не замечая ничего необычного.

Чэнь Ай попытался поймать несколько светящихся пылинок и сжал кулак. Свет мгновенно погас.

Заметив это движение, Ши Цзю с недоумением повернулся к нему.

— Ничего. Отдыхай, — негромко произнес Чэнь Ай.

Ши Цзю пристально посмотрел на него.

— Что такое? — спросил Куратор.

Ши Цзю медленно оглядел его с ног до головы.

— Раздражаешь. Внезапно понял, что ты красивее меня. Смириться с этим решительно невозможно.

Чэнь Ай: «...»

Ши Цзю и впрямь никогда не рассматривал Чэнь Ая. Каждая их встреча была борьбой не на жизнь, а на смерть, а позже навалилось столько дел, что было не до оценки чужой внешности.

Чэнь Ай был очень высок. Но дело было даже не в чертах лица, а в самой его стати. Его глаза обладали пугающей притягательностью — темно-синие, глубокие, они напоминали либо бездонную океанскую толщу, где перехватывает дыхание, либо бездну, падение в которую сулит лишь забвение.

Казалось, он всегда носил только черное, и эти глаза оставались единственным ярким пятном в его вечной ночи. Никаких украшений, никаких лишних деталей: простая и функциональная одежда в военном стиле, кожа с легким бронзовым оттенком — свидетельство того, что он много времени проводил под солнцем.

Он просто сидел, не шевелясь, напоминая ожившее полотно или барельеф Гиберти — безупречное воплощение гармонии среди хаоса природы.

— Насмотрелся? — спросил Чэнь Ай, заметив, как Ши Цзю бесцеремонно сканирует его взглядом.

— Вполне, — отозвался тот.

В дверь постучали, и в палату вошла медсестра. Увидев Куратора, она вежливо поздоровалась:

— Господин Чэнь.

Нужно было сменить повязки и обновить компресс на лице. Ши Цзю зажмурился от боли. Боль в мире снов была пугающе реальной, и ему хотелось лишь одного — поскорее проснуться.

Заметив его страдальческую мину, Чэнь Ай внезапно усмехнулся, и на душе у него стало заметно легче.

— Голубоглазый... Чэнь... кхм! Это просто неприлично! Ай! — Ши Цзю попытался возмутиться, но резкое движение отозвалось острой болью в ранах.

Медсестра тут же строго осадила его:

— Не дергайтесь! Вы хотите поправиться или нет?

Ши Цзю притих, а улыбка Чэнь Ая стала только шире.

«Ненавижу его», — подумал Ши Цзю.

<http://bllate.org/book/16109/1585208>